

Що стосується підбору текстових матеріалів, то окрім звичних текстів з підручників рекомендується періодично підбирати неадаптовані тексти на актуальну тематику. Велике значення для роботи має використання газетних текстів з періодичних видань, читання яких стимулює інтерес студентів до вивчення іноземної мови. Тексти слід підібрати так, що студент міг знайти у них цікаві матеріали. До текстів додаються завдання і бажано з елементами захопленості. Такі завдання допоможуть краще сприйняти прочитане, виділити основне в змісті, зрозуміти основну ідею, будуть стимулювати мовну діяльність. Наприклад, викладач пише ряд тез, що стосуються змісту тексту, а учні визначають які з них вірні, а які ні. Або закривається певна частина тексту, та хтось із учнів передає її зміст.

Розвиток комунікативних навичок в процесі вивчення іноземної мови є ускладнений багатьма чинниками. Одною з найважливіших проблем є те, що новий матеріал має опиратися на вже вивчений, і це дещо обмежує форми роботи.

У найновіших методиках рекомендується вводити нову інформацію чи нову лексику так, щоб її можна було зрозуміти з контексту. Викладач має її подати таким чином, щоб як можливо менше користуватися рідною мовою. Для цього повинні використовуватись всі можливі аудіовізуальні та паралінгвістичні (міміка, жести) засоби, а також творчий потенціал. Тобто викладач має не просто подавати нову інформацію, а нашоувувати на її розуміння.

Вивчення лексики та граматики рекомендується не розмежовувати, а вводити поступово і комплексно.

Таким чином всі дисципліни мають служити одній меті – розвиткові загальної мовної компетенції.

ЛІТЕРАТУРА

1. Кольшанский Г. В. Лингвокоммуникативные аспекты речевого общения / Г. В. Кольшанский // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 2.
2. Аристов С. А., Соусов И. П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С. А. Аристов. И. П. Соусов // Лингвистический вестник. – Вып. 1. – Ижевск, 1999.

О. А. Мартынюк,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры перевода и языкознания
факультета лингвистики и перевода,
Международный гуманитарный университет

О СТАТУСЕ И ФУНКЦИЯХ ФОРМАЛИЗОВАННЫХ СТРУКТУР

Термин ‘formulaic language’ появился сравнительно недавно. Еще несколько десятилетий тому назад основное внимание лингвистов было главным образом сосредоточено на креативных аспектах языка, в частности возможных способах выражения значения, как на уровне языка, так и на уровне коммуникации. Начиная с конца XX века исследователи языка стали проявлять все большую заинтересованность к изучению тех аспектов языка, которые выходят за пределы рамок, в пределах которых происходит продуцирование речи. К таким аспектам относятся, в частности, случаи использования так называемого языка формул или формализованных структур (ФС), известных в английской терминологии как *formulaic language* или *formulaic sequences*.

Термин *formulaic* является производным от существительного *formula*, которое в нашем сознании в первую очередь ассоциируется с такими областями знания, как математика и химия. В то же время, в словарном определении этого слова, дефиниции его смыслов, относящиеся к математике и химии, приводятся лишь после определения смысла, относящегося к языку. Так, в Кратком Оксфордском словаре издания 1952 г. под редакцией С. Т. Onions, определения, относящиеся к математике и химии, приводятся на третьем и четвертом местах; на первом же месте – следующее определение этого слова: “1. a set form of words in which something is defined, stated or declared, or which is prescribed by custom or authority for use on ceremonial occasions” [2].

Аналогичная картина наблюдается и в других авторитетных словарях – в словаре The American Heritage Dictionary of the English Language и Webster’s New World College Dictionary, где на первом месте идут, соответственно, дефиниции:

“**a.** An established form of words or symbols for use in a ceremony or procedure.

b. An utterance of conventional notions or beliefs; a hackneyed expression” [1].

и “a fixed form of words, esp. one that has lost its original meaning or force and is now used only as a conventional or ceremonial expression: “Very truly yours” is a *formula* used in letters” [2].

Следует отметить, что на существование в языке цепочек слов, характеризующихся устойчивостью и рассматриваемых как единое целое, лингвисты обращали внимание еще задолго до того, как появился термин *formulaic*. Так, Ф. де Соссюр, говорил о формировании новой единицы языка в результате агглютинации, понимаемой им как синтез элементов синтагмы, “synthesizing of the elements of the syntagm into a new unit”, при этом отмечая, что в случае выражения сложного понятия при помощи последовательности простых значимых единиц, это понятие закрепляется за данной последовательностью как единым целым: “when a compound concept is expressed by a succession of very common significant units, the mind gives up the analysis – it takes a short cut – and applies the concept to the whole cluster of signs, which then becomes a simple unit” [6, с. 177].

Леонард Блумфилд также указывает на существование в языке форм, которые находятся на границе между словами и фразами: “many forms...lie on the border between words and phrases” [4, с. 180]. В качестве критерия, позволяющего провести четкое разграничение между словом и фразой Блумфилд называет ударение, демонстрируя различие между словом и свободным сочетанием “blackbird” и “black bird”. Однако, этот критерий, как он далее отмечает, не помогает провести четкую границу между словом и фразой в таких случаях, как messenger boy и lady friend. Рассматривая такие формы как *devil-may-care* и *jack-in-the-pulpit*, он характеризует второе как слово, в то время как первое называет первое сочетание как “phrase-word”:

“This criterion of stress fails us in forms like *devil-may-care* (as in a devil-may-care manner) or *jack-in-the-pulpit*. If the former were *devil-may-care-ish*, we should not hesitate to class it as a word, since here one of the immediate constituents is the bound form – ish. The forms of the type *devil-may-care* are classed as words (phrase-words) because of certain other features which? Within the system of the English language, place them on a level with other words. One of these is their peculiar function; as a

phrase *devil-may-care* would be an actor-action form, but as a phrase word it fills the position of an adjective” [4, с. 180].

Проблема разграничения слова и фразы рассматривается и И. В. Арнольд, которая в качестве иллюстрации приводит пример, заимствованный у В. Л. Графа: “In showing the borderline between a word and a formulaic expression, W. L. Graff speaks about the word *breakfast* derived from the set expression to break fast, where break was a verb with a specific meaning inherent to it only in combination with fast which means “keeping from food”. Hence it was possible to say: And knight and squire had broke their fast (W.Scott.) [8, с. 174]. Примечательно, и на это указывает И. В. Арнольд, что в центре внимания В. Л. Графа находится градация “from free construction though the *formula* (italics – O. M.) to compound and then simple word” [Op. cit].

В своем исследовании “Formulaic Language and the Lexicon”, Алисон Рэй, одна из современных активных исследователей формализованных структур, приводит и анализирует целый ряд терминов, используемых лингвистами для наименования формализованных цепочек, в частности: *chunks*, *formulaic speech*, *multiword units*, *collocations*, *formulas*, *prefabricated routines*, *conversational forms*, *holophrases*, *ready-made utterances*.

Рассматривая формализованные структуры как явление, охватывающее различные типы цепочек слов, которые хранятся и извлекаются из памяти целиком, А. Рэй предлагает следующее определение этого явления:

“A formulaic sequence is a sequence, continuous or discontinuous, of words or other elements, which is, or appears to be, prefabricated: that is, stored and retrieved whole from memory at the time of use, rather than being subject to generation or analysis by the language grammar” [7, с. 465].

А. Рэй рассматривает целостность (wholeness) в качестве основной характеристики формализованных структур. Согласно ее определению, такие структуры могут охватывать как непрерывные, так и дискретные структуры типа *the point of ... is that....* Определение, однако, исключает те цепочки, в которых имеет место субституция элементов типа *pull his leg/pulling his sister's leg/yank her leg*, etc.), или какая-либо трансформация структуры, как, например, *chew fat / fat chewing / fat chewer*.

Рассматривая некоторые характеристики ФС в разделе “Selected characteristics of formulaic sequences”, Н. Шмит также противопоставляет структуры, характеризующиеся полной фиксированностью и те, которые имеют открытые позиции, называемые им “slots”: “These sequences can be totally fixed (Ladies and gentlemen) or have a number of “slots” which can be filled with appropriate words or strings of words ([someone/thing, usually with authority] *made it plain that* [something as yet unrealized was intended or denied]) [8, с. 3]. При этом Н. Шмит указывает, что именно такое разностороннее понимание сущности ФС объясняет тот факт, что среди исследователей отсутствует единое мнение о сущности ФС, что проявляется в использовании ими различной терминологии при описании данных структур. Отмечая, что в своем исследовании формализованных структур А. Рэй находит более 50 таких терминов, Н. Шмит все же склоняется к использованию термина и понимания, предложенных А. Рэй – ‘formulaic sequences’.

По своей структуре, ФС могут быть представлены цепочками различной длины – от одного слова до целого предложения или нескольких предложений. В качестве примеров здесь уместно, с одной стороны, привести слова-предложения

типа Sure/OK, самостоятельное использование междометий, а с другой стороны пословицы, которые, в полном соответствии с предложенным А. Рэй определением, хранятся в нашей памяти и извлекаются из нее в целом виде.

Поскольку использование ФС обусловлено конкретными условиями коммуникации, они употребляются для решения самых различных коммуникативных задач, в первую очередь, ритуального характера, таких как приветствие, прощание, поздравление, принесение извинения, соболезнований и т. д. Такие сочетания широко применимы в стандартных ситуациях, в которых речевая составляющая носит четко формализованный характер. В качестве примера можно привести целый ряд ситуаций, например, ситуацию знакомства, в которой этикетом предписывается употребление таких ФС как *Let me introduce / Please meet/ Pleased to meet you* или принесение извинения (*Excuse my back*). Предлагая гостям отведать какое-то блюда, хозяин (хозяйка, не задумываясь, говорит *Please help yourself to . . .*, а выражение вежливой просьбы, как правило, начинается словами *Could you please, Would you mind . . .*

Характерно, что имеющая форму вопроса фраза *How do you do* не требует прямого ответа, несмотря на форму вопроса, а предполагает ответ *How do you do / Hello./ Please to meet you*. Аналогично, то есть не предполагая прямого ответа, функционирует и вопросительная структура *How are you*, используя которую говорящий не рассчитывает получить пространственный ответ и довольствуется формальным ответом *Thanks, I'm fine. And you?*

Такое употребление ФС, когда на первый план выступает не прямое семантическое значение фразы, а ее прагматическая роль (поддержание разговора, соблюдение этикета, выражение дружелюбности, и т. д. является весьма распространенным (*Nice weather, isn't it? / Thank you, I'm glad you like it* или *Thank you, I am glad you think so* в ответ на похвалу собеседника в ваш адрес и т. д.).

В своей работе "Formulaic Sequences in Action", входящей в сборник под его редакцией "Formulaic Sequences", Н. Шмит отмечает 'вездесущность' ФС, а также тот факт, что они составляют значительную часть любого дискурса [5, с. 1], а Конрад Кьюпер сравнивает речевую деятельность с исполнением ролей, в которых языковая составляющая является "стереотипной" и "социально-санкционированной": "We play parts, and a good deal of what it means to play a part is learning the lines. The stereotypical socially sanctioned lines are often provided by the oral tradition of the particular role one is acquiring. In many real-life parts, the script (the discourse structure rules in our terms) plays a significant role. . . ." [5, с. 44].

В свете всего вышесказанного, актуальным представляется не только дальнейшее изучение ФС и систематизация их функций, но и разработка методических принципов их включения в процесс обучения иностранному языку. Последняя задача приобретает особую значимость в условиях, когда обучаемые не находятся в соответствующей языковой среде, поскольку само по себе знание таких структур не способно обеспечить их адекватное использование, а с необходимостью должно быть дополнено знанием специфики их использования носителями языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. The American Heritage Dictionary of the English Language. – 4th edition, 2010. – Publishing Company. Published by Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company.

2. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. – Third edition. – Oxford University Press, 1952.
3. Webster's New World College Dictionary, 2010 by Wiley Publishing, Cleveland, Ohio.
4. Bloomfield L., Language. – N. Y. : Holt, Rinehart & Winston, 1961. – 566 pp.
5. Formulaic Sequences: acquisition, processing and use. Edited by Norbert Schmitt. John Benjamins B. V., 2004. – 242 pp.
6. Saussure, Ferdinand de. Course in General Linguistics. – New York, Columbia University Press, 2011. – 233 pp.
7. Wray, A. Formulaic Sequences in Second Language Teaching: Principle and practice. – Applied Linguistics, 2000. – 21:463–489 pp.
8. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учебник [для ин-тов и фак. иностр. яз.]. – [3-е изд. : перераб. и доп.]. – М. : Высшая школа, 1986. – 295 с.

*Т. О. Масловська,
викладач кафедри перекладу та мовознавства
факультету лінгвістики та перекладу,
Міжнародний гуманітарний університет*

РИСИ МІФОЛОГІЗМУ У ПОЕЗІЯХ ВАСИЛЯ СИМОНЕНКА

Міфопоетика в українській літературі є малодослідженою. Дослідниками міфу були О. О. Потебня, О. Афанасьєв, К. Леві–Строс, Гр. Грабович, Н. Фрай, Р. Барт, Р. Вайманн, Ф. Джесі, В. Райтер та ін. На думку О. Афанасьєва міф є давньою поезією [7, с. 583]. Однак слід зауважити, що міф і міфологія (в розумінні системи міфів, а не науки, що вивчає особливості міфів) не є чимось неподільним. Й. Гьорреса доводив, що спочатку був один міф, праміф. Поступово міфологія втрачає свою колективну ознаку. Міф продовжує діяти, процес створення не завершився. Міфологія – колективний твір минулого.

Мета пропонованої статті – дослідити поетику творів на матеріалі поезій Василя Симоненка (розкрити та показати міф у царині поетики).

Актуальність нашого дослідження вбачаємо в тому, що поезія та поетика В. Симоненка й до сьогодні залишається недостатньо вивченою.

Міфи бувають різними, вони розрізняються за часом виникнення, походження і за змістом. Клод Леві Строс має рацію, що: «міф завжди належить до подій минулого; «до створення світу» або «у перші віки»; у будь–якому разі «дуже давно», але справжнє значення міфа витікає з того, що події, які здогадно відбувалися в якийсь проміжок часу, утворюють ще й постійну структуру. І вона одночасно належить до минулого, теперішнього і майбутнього» [5, с. 198]. Загалом міф розцінюють «як відбиття важливого й істинного зв'язку між явищами» [4, с. 52]. Гр. Грабович визначає п'ять загальних прикмет міфа. Важлива риса міфологічного мислення – це синхронність витворюваного поетом світу:

1) за своєю будовою міф відзначається надмірністю й багатолінійністю, тобто це безперервне вироблення структури (або «думки», «ідеї») шляхом гетерогенного, але закінченого ряду подій чи структурних одиниць («тем» або «мотивів»), які його складають, наприклад, поетове розуміння України як жертви.

2) З погляду динаміки – як розвитку оповіді, так і взаємовідносин між елементами, – міф розвивається через ряд бінарних опозицій та примирень між ними; опозиція на нижчому рівні структури знімається примиренням сторін на вищому рівні.